

ОЛЕГ ЛУНДСТРЕМ: Я – “НЕИСПРАВИМЫЙ ОПТИМИСТ”

Среди новых лауреатов ежегодной российской премии “Триумф” – старейшина нашего джазового цеха, композитор и дирижер Олег Леонидович Лундстрем. С ним беседует наш корреспондент Аркадий Петров.

– Олег Леонидович, Вы помните, когда Вас заразила “джазовая баццлла”?

– Конечно, помню. Дело было в Харбине, в 1933 году. Я рос в интеллигентной семье, отец – обрусевший швед Леонид Францевич Лундстрем – был профессором-физиком. Дома часто музицировали: отец на рояле, мать пела, я играл на скрипке. Но, честно говоря, любил и потанцевать, “пофокстротировать”. И вот однажды зашел в музыкальный магазин, чтобы прикупить к какой-то предстоящей вечеринке стопку новых дисков. Поставил одну пластинку, другую... И вдруг – никогда прежде не слышанный оркестр! Ошеломляюще новое звучание, отличный ритм. На этикетке написано “Оркестр Дюка Эллингтона”. Вы скажете, что в 1933 году это имя было уже известно всем? Ничего подобного! Популярны были коммерческие танцевальные составы: Так что в Харбине открыл Эллингтона именно я. На поразившей меня пластинке, кстати, была пьеса

“Старый, добрый юг (Dear Old Southland)”. Мы с друзьями прослушали ее, наверное, сотни раз, а когда решили организовать свой оркестр (причем я был единогласно “избран” его дирижером), она, разумеется, вошла в наш репертуар.

– А где Вы родились – в Харбине?

– Нет. Я родился в Чите в 1916 году. В 1921 году переехал вместе с родителями в Харбин – отец получил приглашение стать преподавателем на КВЖД – железной дороге, пересекавшей Манчжурию во Владивосток и принадлежавшей на паритетных началах Китаю и России. После того, как Китай признал Советскую Россию (РСФСР), многие русские служащие с КВЖД ушли – новую власть они не приняли... Вот тогда отцу и был предложен контракт. Он подумал: съезжу-ка с семьей на пару лет в Манчжурию, поработаю и вернусь... Кто же мог подумать, что эти год-другой обернутся четвертью века! Харбин той поры был, кстати говоря, городом высокого культурного уровня – опера, оперетта, филармония, отличные хоры, камерные ансамбли.

Продолжение на стр. 6

ОЛЕГ ЛУНДСТРЕМ: Я – “НЕИСПРАВИМЫЙ ОПТИМИСТ”

Окончание. Начало стр. 1

Оперных певцов, например, приглашали из московского Большого театра, из петроградской Марии нки (Лемешев). В оркестре играли солисты Его Императорского Величества (это звание примерно равное народному артисту СССР). Такого же уровня были некоторые театральные актеры или эстрадные шансонье (Вертинский).

– Вернемся в 1934 год. Вы услышали пластинку Эллингтона – собрали молодежный джаз-бэнд...

– Эта дата возникновения нашего оркестра (1 октября 1934 год) попала даже в книгу рекордов Гиннеса, как год основания старейшего джаз-оркестра мира. Правда, в новом издании цифру придется менять – ведь в октябре будущего года нам исполнится уже 70!

Сначала нас было всего девять человек: общепринятый стандарт начала 30-х годов. Три саксофона (А.Онопюк, Вл.Серебряков, И. Лундстрем), две трубы (Вит. Серебряков, А.Котяков) плюс тромбон (А.Миненков) и ритм-группа (А.Гравис – контрабас, банджо, И.Уманец – ударные и О.Лундстрем – рояль). Потом, когда мы с оркестром переехали в Шанхай и стали профессионалами, конечно, состав увеличился до 15-17-ти исполнителей. Играли мы популярные американские песенки – а также и советские, которые я к тому времени стал аранжировать. Звуковое кино только начиналось, ленты крутились, в основном, американские – были среди них и музыкальные, например – “Бродвейская комедия (Broadway Melody of 1938)”. Мы подхватывали все мелодии со слуха. В танцзалах

работали несколько десятков оркестров, включая американские. Были там и европейцы, бежавшие в Китай из Германии, Австрии, Чехословакии после захвата в этих странах власти фашистами.

– Вы ведь познакомились тогда с некоторыми американскими знаменитостями?

– С трубачом Баком Клейтоном – будущей звездой оркестра Каунта Бэйси. Произошло это так: в 1935 году наш трубач Котяков, тромбонист Миненков и я отправились “на разведку” в Шанхай... И вдруг узнаем, что в одном из здешних “боллрумов” – больших танцевальных залов – выступает американский биг-бэнд. Купили билеты, сели, слушаем. И глазам своим не верим – играет “живой” Бак Клейтон. Он звучал тогда близко к манере Армстронга (наш Котяков в Харбине и сам числился “местным Армстронгом”)... В общем, стали мы ходить в этот танцзал каждый вечер. И представьте себе – Бак Клейтон нас запомнил! Много лет спустя, когда в 1991 году я с оркестром приехал на концерты в США, он узнал и меня и Котякова – постаревших, седых – заплакал, бросился к нам на шею!

– А каким образом Вы вернулись назад в СССР? Время было сложное, а Вы свыше двадцати лет пробыли за рубежом?

– Скажу так: мир не без добрых людей. Ведь мы решили вернуться домой еще в 1937 году. Приехала я в Шанхай, в наше генконсульство, записался на прием. Консул (Ерофеев) спрашивает меня: “Ну, какие проблемы?” Говорю, что у меня, вот, оркестр, что японцы наглетют, недавно были бои на озере Хасан. Так что – хотим на роди-

ну. Консул наморщил лоб и говорит: “Понимаете, у нас там сейчас определенные сложности – разоблачили каких-то троцкистов и поэтому выдача виз на время прекращена. Но Вы не волнуйтесь, мы скоро всё выясним и Вам сообщим”. То есть – человек нас просто спас. Хороши бы были мы, явившись в домой в самый разгар московских процессов над вредителями! Консулы в Шанхае сменялись тогда раз в два-три года.

Ну, раз обещали всё выяснить, то мы стали терпеливо ждать. Дождались лета 1941 года... Уже идёт война. И тогда вновь составляем письмо и все коллективно подписываемся – просим отправить нас на фронт добровольцами. И с этой бумагой я во второй раз еду в консульство. Где неожиданно встречаю уже знакомого мне Ерофеева: “А, здравствуйте, какие проблемы?”

– “Да проблемы всё те же, только немец под Смоленском, а мы тут за границей прохлаждаемся. Просим всех нас немедленно отправить на фронт!” – “Ну, молодцы, патриоты!.. Передайте Вашим музыкантам: “Генеральный консул сказал: “Вы здесь сейчас нужнее!”: В 1941 году я поступил во французский Высший технический центр в Шанхае. Закончил его, как архитектор, в 1944 году. Не оставляя всё это время занятий джазом.

Вернулись мы домой окончательно лишь в ноябре 1947-го. Нас направили в Казань. Директор филармонии Хесин и её художественный руководитель, композитор Ключарев решили превратить нас в Эстрадный оркестр Татарии – концертный коллектив при филармонии. Всё бы хорошо, как вдруг председатель республиканского комитета по делам искусств говорит, что он только что вернулся из Москвы, где присутствовал

на очень высоком заседании, а там было объявлено, что джаз народу не нужен (это было знаменитое совещание по поводу оперы “Великая дружба”). Поэтому, сказал председатель, раз уж оркестр вернулся в Казань, где большая нехватка музыкантов-профессионалов, то, давайте, примем такое решение: трубочей, тромбонистов, кларнетистов передаем в оперно-симфонический оркестр, саксофонистов – в кинотеатры (играть попури из советских песен перед сеансами), а остальных – в рестораны. Вот тебе раз!

Мы всё-таки часто собирались всем составом, репетировали и даже выступали по местному радио. Нас объявляли так: “Играет эстрадный оркестр Татарии!” Хотя формально такого коллектива не существовало в природе.

А серьезной концертной деятельностью полным оркестром мы начали заниматься только в 1956 году от Всероссийского концертно-эстрадного объединения (ВГКО).

– В 50-е годы в вашем оркестре появляются новые лица – саксофонисты Гараян, Zubov, Албегов, тромбонист Бахолдин... Это были поклонники более новых направлений джаза – бибоба, кула... Смогли ли они найти общий язык с “шанхайцами”?

– Они были яркими импровизаторами, что я лично очень ценил. Да, к нашей “архаичной” музыке Гараян и Zubov относились с легкой иронией, но, в целом – уважали её. То есть взаимопонимание было найдено мгновенно. Вообще, стили в джазе чередуются часто. То, что сегодня в моде, завтра может быть отвергнуто.

– Олег Леонидович, в Вашем биг-бэнде проиграло уже примерно три поколения му-

зыкантов. И вот сегодня значительная часть Ваших музыкантов представляет новое – четвертое!

– Лёша Zubov, наш ветеран (“второе поколение”) услышав нас недавно в Лос-Анджелесе, отметил: “четыре поколения, но играют как единая, четко отлаженная машина!” Кто же эти молодые дарования? Начну с тенориста Дмитрия Мосьяна. Ему немногим более двадцати, но это уже чистой воды звезда... Денис Швытов, наш первый альт-саксофонист – интонация полностью своя и в то же время ощущение живой образ великого Джонни Ходжеса... Второй тенорист Антон Румянцев. Если Мосьян – современный тенор, в “колтрейновских тонах”, то этот – безупречный традиционалист. Трубачи – солист мирового уровня Юрий Парфёнов, элегантный лидер Владимир Мамыко, “верхолаз” Анатолий Васин и совсем новая фигура – Виталий Головнёв. А ведь есть еще классный барабанщик Владимир Журкин, изумительный кларнетист и баритон-саксофонист Иван Волков...

– Сейчас Вашим оркестром дирижирует Ваш же бывший солист Георгий Гараян...

– Да, мне, что ни говори, уже стукнуло 87. Но Жора – свой человек, прекрасно знает репертуар, а если вводит новые аранжировки – так в нашем же стиле.

– Вы счастливы прожить вот такую большую, насыщенную джазовую жизнь? Вообще – Вы счастливый человек?

– Вы знаете, как меня называла моя покойная жена? “Ты – неисправимый оптимист!”

*Беседовал
Аркадий Петров*